

О.В. Кириченко

Верующие коммунисты в советское время¹

Проблема верующих коммунистов в советское время

Вопрос, который ставится в статье в качестве основного: было ли совмещение веры и принадлежности к партии, системным явлением, массовым или же все сводилось к единичным случаям, исключениям из правил. Во-первых, существует большой пласт мифов (и число их сегодня растет) о причастности советских вождей (но всех, но многих) к вере и Церкви и допускается, что они были искренними в своей церковности. Во-вторых, рядовая масса партийных функционеров по какой-то причине выглядит не отдельным атеисти-

ческим монолитом, а скорее мятущейся группой, где вера и принадлежность к вере, как будто определяли не что-то личное, частное, а общее, единое для всех. Таков, самый приблизительный и схематичный взгляд на эту проблему с учетом обыденных оценок и общего для большинства знания. Никто, из мало-мальски знающих советское время, по книгам или рассказам, не скажет, что коммунисты тогда были однотипными ревнителями атеизма и формальными исполнителями заветов и законов партии, где атеизм был обозначен как основа мировоззрения члена партии. Защитить или же опровергнуть это мнение научными фактами также будет задачей данной статьи.

Писатель М.М. Пришвин, вообще выводил веру в коммунизм из большевистской презумпции невиновности в революционные свершения. «Радуешься нашим большевикам, ясно видишь их добро, и в голову (1952 г. — О.К.) приходит мысль: не являются ли у нас на земле большевики теперь последними христианами?»²...И эту мысль писатель не раз повторяет в своих дневниках. Да и социализм для него был для него новой ступенью прежней религиозной традиции и потому постепенное перетекание из христианства в социализм и коммунизм являлось делом очевидным. Большевизм он называл религиозной сектой, выросшей из секты толстовства, и соответственно, имеющей религиозную природу³. В со-

Картина Г. Животова «Г.Н. Зюганов в Суздале».
Источник: Газета «Завтра». 2019. № 25.

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РFFИ, проект № 18-09-00196

²Пришвин М.М. Дневники. 1952—1954. СПб.: Росток, 2016. С. 211.

ответствие с этим пониманием большевизма (как партийного и идеологического течения) и коммунизма, как конечной цели, следует оценивать и все революционные преобразования в стране. И как бы не был фантастичен взгляд Пришвина, он все же опирался на конкретную реальность; а это и толстовство (признаваемое большевиками в качестве силы, повлиявшей на революцию) и определенно религиозно-утопические корни большевизма, в их народном понимании. Безусловно, одно; в идеологии большевизма существовали две идейные ветви, определяющие в целом большевистское самосознание: а) одна народная, стихийная и б) другая интеллигентская рационалистическая, большей частью западническая. Последняя, однако, не сводилась вся к западничеству (революционному); точнее ее можно было бы определить, как умеренно западническую, совмещенную с революционно славянофильской, что проявлялось в документах (декретах и законах) революции. Большевики должны были говорить народным языком, а также реализовывать народные чаяния, поэтому сама жизнь заставляла их (чтобы удержаться у власти) выбрать путь славянофильских (про-народных) деклараций и решений. Через этот канал и могло продвигаться то, что было элементами церковной жизни: обрядовая часть церковной жизни, определенные церковные обычаи, ставшие частью культурного обихода, сохранение норм праздничной традиции и т.п. То есть, есть основания думать, что сохранение церковных элементов в большевистской среде в качестве легальной атрибутики осуществлялось не по недосмотру, а в силу определенной партийной опоры на нее. Руководство партии, особенно после прихода к власти и получив опыт Гражданской войны стало понимать, что нельзя сразу пройти всю толщу народного бытия декретами, законами и военной силой; что на этом пути находится не только косная, инертная масса, привыкшая жить по-церковному, но и нечто непреодолимое до поры, а именно — те же коммунисты с религиозными взглядами. Не активными, церковными, а с традиционными, вписанными в обиход, повседневность, привычку и обычай. То, что связывалось с народной жизнью, ради которой и шла борьба «за светлое будущее». Словом, следующие проблемы нам видятся в качестве существенных, требующих анализа и объяснения в рамках данной темы: 1) столкновение большевистской теории с народной практикой, заставившее большевиков не только лавировать, но и что-то пересматривать в своей теории борьбы с религией; 2) обнаружение со сто-

роны коммунистов (на разных уровнях), что религия (включая все ее элементы) — это не нечто пустое, своего рода духовная идеология, выдуманная Церковью, а реальная сила, объяснение которой пока невозможно; 3) борьба с религией показала, что большевики не являются единым монолитом; они разделены не партийностью (правыми и левыми уклонами), а характером отношения к религии — от самого радикального, непримиримого, до терпимого и лояльного. Итак, коммунисты, симпатизирующие православной вере и Православной Церкви, будут нами рассматриваться не как исключение из правил, а явление характерное для советского строя, как следствие жизненной практики и реальности, заставившей партию действовать не только решительно и бескомпромиссно, но и гибко и лояльно. На этом пути не могли (в силу такого подхода) не существовать отдельные исключения в виде проявления (но глубоко скрытного) подлинной веры среди коммунистов. И на этой почве, на наш взгляд, и возникли мифы (которые порой просто невозможно проверить) о подлинной религиозности первых лиц советского государства: И.В. Сталина, М.И. Калинина, Л.И. Брежнева и ряда других. Повторим нашу мысль: теоретически это могло быть в силу указанной реальной (а не декларативной) сложной позиции, существовавшей у партии в отношении религии; но даже если бы так оно и было, это обстоятельство совсем не означало отсутствия радикальных мер, предпринимаемых государством в отношении веры и Церкви. Вождь, как государственное лицо, продолжал быть *атеистическим* вождем, олицетворяющим в том числе воинствующую позицию в отношении религии; религия же, если она была, являлась глубоко личным делом, о котором могли знать только самый близкий и узкий круг.

Коммунисты-верующие в высшей и средней партийной номенклатуре

В 1920-е — 1930-е годы верующего коммуниста можно было встретить чаще в сельской России, но не как ортодоксального, церковно-верующего человека, а как сохранившего отдельные атрибуты религиозности, поскольку они не мешали, а даже помогали (с точки зрения коммуниста) ему постигать коммунизм и идти к нему. Религия в эти десятилетия хотя и была тесно связана с классовой лояльностью (это был классово маркирующий признак враждебности передовым классам — пролетариату и беднейшему крестьянству), но антирелигиозный пафос большевиков в первые

³ Там же. С. 142, 154.

годы советской власти был направлен не против не как таковой, а против конкретных субъектов религии: священников, епископов, активных верующих, всех тех, особенно, кто вел себя активно против советской власти.

В 1920-е годы несмотря на Гражданскую войну и на красный террор в отношении врагов советской власти «идеологическая удавка» контроля и самоконтроля еще не была наброшена на шею каждого коммуниста; «контрреволюционность» Церкви еще сводилась к контрреволюционности отдельных ее лиц; вера рассматривалась широко, не было суммирования в одно целое всего комплекса религиозных практик, традиций, церковной деятельности и церковных структур. Отток, в первые годы советской власти из партийных рядов был огромен, и частично он был связан с обнаружением сельскими коммунистами, что вера, церковная обрядность, религиозные обычаи несовместимы с пребыванием в партии. Люди готовы были уйти из партийных рядов, чем стать изгоем в своем родном селе. Такие коммунисты рассуждали: «как на тебя посмотрит свой сельский мир, если ты не будешь крестить детей, не почтишь престольного праздника, откажешься от Пасхи?!. Вот характерный пример из советской идеологической литературы 1920-х годов: «Вот трое других (вышедших из партии. — О.К.). Они служащие волисполкома, в 1919 г. одновременно вступили в РКП, пробыли в ней ровно две недели и вместе ушли из партии. Виновником их вступления в партию был уполномоченный укома, допустивший такую отсебятину: “Кто хочет служить в исполнкоме, должен быть партийным!” Тогда недолго думая, эта троица (один из них бывший волостной писарь, прослуживший в этой должности свыше 30 лет, другой — бывший бухгалтер одного из петроградских заводов и третий — бывший фельдшер) поспешила записаться в местную ячейку. “Почему же вы ушли?”, — спрашивала я их. Причина у всех одна: “Сделались мы партийными и думаем, надо почитать Бухарина — книжка-то под рукой была. Собрались как-то вечером, начали читать, а там такое по религиозному вопросу написано, что хоть святых из дома выноси! Ну, и выписались по религиозным убеждениям”. Все эти три лица продолжали и по выходе сво-

В.В. Мешков. Красная армия обстреливает Кремль в октябре 1917 года. 1930

ем из партии благополучно служить в исполнкоме, потому что как технические работники, они были безупречны»⁴. Интересно, что Сталин увидел, сумел вычислить эту категорию коммунистов и дать задание партии и органам избавляться в массовом порядке от таких людей. В выступлении вождя от 27 ноября 1932 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) говорится: «Деревенские коммунисты ищут классовых врагов, врагов колхозов среди кулаков с толстой шеей, звериным лицом и обрезом в руках. Но таких уже не существует на поверхности... Настоящие организаторы вредительства и саботаже — это большей частью худенькие люди, без обреза, почти “святые” и сладенькие люди; они живут внутри колхозов и занимают легальные должности завхоза, счетовода, кладовщика и т.д. Ленинцы никогда не должны идеализировать колхозников!»⁵. Поверившие в коммунизм и большевиков, как «народную власть» отдельные коммунисты первой половины 1920-х годов, до поры не знали, что вера и коммунизм, партийность несовместимы. К началу коллективизации они уже рассматривались властью, судя по сталинскому замечанию, как открытые враги советскому строю. А ведь именно этот основной тип — «святые романтики революции» — действует в произведениях раннего Андрея Платонова и являются олицетворением ее. Немало их служило в 1920-е в Красной Армии, тот же В.И. Чапаев, не разделял веру в коммунизм и личную религиозность. Органы ОГПУ фиксировали высокую степень религиозности в красноармейской среде в 1920-е годы⁶.

⁴ Большаков А.М. Советская деревня (1917—1924 гг.) Экономика и быт. Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1924. С. 123.

⁵ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП (б)—ВКП(Б) 1923—1938 гг. В 3-х томах. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 3. С. 588—589.

⁶ Как ломали НЭП. 1928-29 гг. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. С. 8

Огромная сфера церковной жизни какое-то время не рассматривалась партийными идеологами в качестве вредной и враждебной. Это касалось в первую очередь обрядовой и околообрядовой стороны церковных праздников, таинств и треб. Сюда же можно отнести и хранение святынь — прежде всего икон, как атрибутов не только церковных, но и мирских, связанных с народной жизнью, лишь косвенно связанной с церковью. Те же венчальные иконы — «родительское благословение» — виделись в ином ключе, нежели просто «религиозный атрибут», как это представлялось потом. Словом, движение по служению религиозного пространства, было постепенным. Начиналось оно, конечно, с революционных декретов об отделении Церкви от государства, а школы от Церкви (20 января 1918 г.). Церковь лишилась всей своей собственности (на землю, здания); законами было поддержано вскрытием святых (1 января 1919 г.), изъятие церковных ценностей для нужд голодающих (23 февраля 1921 г.). При этом, религия рассматривалась и декларировалась как обман, как некий духовный наркотик для простого народа. Открытым же врагом объявлялись лишь отдельные лица, противящиеся советской власти, связанные с Белым движением и т.п. Таким образом, в первую половину 1920-х годов Церковь в ее определенных формах хотя и попала под прицел «красногвардейской атаки на капитал», но, по сути, это была или атака на собственность, или на конкретных лиц, мешающих беспрепятственно забирать собственность, или же прямо или косвенно связанных с открытыми врагами советской власти, главным образом Белым движением. Особенно жестким было секретное письмо В.И. Ленина, написанное по поводу событий в Шуе, где чекистам, грабящим храмы, был дан отпор. Здесь Ленин впервые напрямую говорит о Церкви, как о враге, которого хотя и нельзя сейчас уничтожить, но «можно разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий»⁷. Те же слова о Церкви-враге мы слышим далее в 1929 г. в директивном письме, составленном Л.М. Кагановичем «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В этом документе жесткой критике подвергались свои же коммунисты и комсомольцы, а также члены профсоюза за «недостаточную активность в антирелигиозной деятельности»⁸. Духовенство в письме Кагановича было объявлено политическим противником ВКП(б).

Что же происходит далее? Был ли в конце концов предъявлен Церкви ультиматум как «классовому врагу» или же продолжилось на нее «ползучее наступление»? Это сложный вопрос, который еще не рассматривался в историографии, но он напрямую связан с нашей темой. Против Церкви советская власть сосредоточила в довоенный период четыре конкретные силы: 1) при ЦК ВКП(б) существовала антирелигиозная комиссия по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства (партийная сила), руководил комиссией Е. Ярославский, секретарем был Е. Тучков; 2) VI секретный отдел ОГПУ специально занимался церковными делами, а именно разрушением Церкви (сила спецслужб) (руководил Е. Тучков); 3) «Союз безбожников» — массовая общественная организация с отделениями по всей стране возник в 1925 г., с 1929 г. стал называться «Союз воинствующих безбожников» (общественно-организованная сила). Эту пропагандистскую машину возглавлял все тот же Е. М. Ярославский, который на посту председателя цэковской антицерковной комиссии проводил масштабную антицерковную деятельность: организовывал репрессии против духовенства, антирелигиозные компании в масштабах всей страны, проводил антицерковные процессы, руководил комсомольской антирелигиозной деятельностью, которая большей частью сводилась к натравливанию комсомольцев на осквернение храмов и святынь; также был ответственен за художественную часть антирелигиозной пропаганды (театры с соответствующим репертуаром, газеты, журналы, книги; «суды общественности» над Богом). Была и четвертная сила — государственная — в лице представителей советской власти на местах, в исполнительных органах, которые были ответственны в регионах за проведение антирелигиозной и антицерковной политики в жизнь. В 1929 г. эта сила была также централизована; 8 апреля 1929 г. при ВЦИК была создана «Постоянная комиссия по вопросам культов» под председательством П.Г. Смидовича для административного надзора за религиозными общинами. Таким образом ударный кулак государства был представлен всеми возможными силовыми структурами, что позволяло ему действовать эффективно и централизованно. Кроме того, государство, как и в сфере национальных отношений, действовало максимально скрытно; подлинная антицерковная деятельность замалчивалась, а антицерковное законодательство было упаковано в «цивилизованные формы»; на словах, (даже в конституции) было одно, на деле же — другое.

⁷ Протоиерей Цыпин Владислав. Указ соч. С. 75.

⁸ Там же. С. 187.

1930-е годы, сопряженные с главной задачей — подготовкой к войне с фашистской Германией заставили правителей СССР скорректировать свои позиции по главным вопросам: национальному и религиозному. Русские были переведены с позиции народа, отдающего долги за царскую Россию, где они якобы находились в положении угнетателей малых народов, на позицию равенства строителей и защитников социализма, наряду с прочими народами СССР, даже в чем-то преимуществом. При этом церковная политика нисколько не изменилась по существу; амплитуда репрессий, как отметил исследователь этого вопроса Н.Е. Емельянов, продолжала действовать в том же ритме, вплоть до начала войны: передышка / гонение / передышка / гонение и т.д. Пик гонений с 1936 по 1939 годы оказался самым мощным, ведь именно к 1937 г. ставилась амбициозная задача «забыть слово “Бог” в СССР»⁹. Тем не менее, ослабление наступления на русскую этничность сыграло свою позитивную роль и косвенным образом повлияло на факт признания обществом неоднозначного отрицательного отношения власти к вере и Церкви. Думается, происходило это по следующим причинам: отсутствие информации о репрессиях не позволяло людям объективно оценивать происходящее в сфере репрессивной деятельности государства в отношении Церкви (церковноначалие же вынуждено было молчать, чтобы сохранить то малое, имело). В то же время информация о «русских делах» имела открытый и даже демонстративный характер, об этом немало свидетельств¹⁰ и в этом люди верующие видели залог и возвращения к более мягкой церковной политике. Дело дошло до того, что Сталин стал получать письма, в которых перед ним прямо ставился вопрос: «Что происходит? Почему русские опять выдвигаются на первое место» (письмо коммуниста Я. Гринберга)¹¹.

Скрытый, не очевидный характер гонений на Церковь (речь идет именно о масштабности гонений), при новой политике по отношению к русским, мог стать в 1930-е и особенно во второй половине их, почвой для возрождения религиозности среди русских коммунистов, не имеющих практического опыта в утверждении атеизма (личной расправы

с церковными деятелями, участи в вооруженном подавлении инакомыслящих). Этот предварительный этап за несколько лет до войны очевидным образом, повлиял на то, что во время войны эти русские люди из коммунистического актива, смогли утвердиться в своей вере, а некоторые потом стать даже втайне церковными людьми. Мы проанализировали на этот счет дневники М.М. Пришвина, по годам и выяснили, что больше всего свидетельств о коммунистах-верующих приходится на послевоенный период. Вот отдельные записи из 1920-х и 1930-х годов. 1 мая 1924 г. писатель видит группу церковного клира со священником во главе, обходящих дворы прихожан с пасхальным приветствием. Автор отмечает разницу в их оценке, в одном случае при встрече и приеме священника в своем доме (здесь очевидна искренняя религиозность), в другом, при многолюдном обсуждении теми же людьми «попа, дьякона и дьячка» как «псов лающих»¹². В многолюдии сельчане должны быть советскими (так справедливо рассуждает Пришвин), а вот один на один с «Богом», нельзя не быть верующими. Запись от 3 мая 1926 г., гласит, что Михаил Михайлович общается с приехавшим к нему на велосипеде председателем горсовета Анисимовым. О новой обстановке бывший комиссар сказал, что сейчас «время фантазий кончилось». Писатель подытоживает: «Потом мы говорили о его родине Муроме, и так любовно говорил он о своей родине. Такие теперь коммунисты, это блудные дети, усталые возвращаются к отцу на свою родину»¹³. Вот оно это размягчающее сердце состояние предрелигиозности — проснувшаяся (скорее даже разрешенная!) любовь к малой родине. Отсюда уже один шаг до возвращения веры. Записи 1931 года: «Индустрия и церковь — вот наши два полюса»; «В прежнем (церковном) строе жизни разделение людей было в материальном, в церкви же (внутри жизни) все эти люди, разделенные, соединялись, отсюда шло покаяние и т.п. Теперь в киномоторное время (!), материально люди представляют коммуну, но в тайно-духовном отношении каждый коммунист, как неразложимый атом»¹⁴. Последнее наблюдение особенно интересно! Людей сцепил вместе материальный (он же идеологический) закон, но при этом они

⁹ Емельянов Н.Е. Память о новомучениках Спасского братства с молодым поколением // Почитание новомучеников XX столетия и восстановление национального исторического самосознания / Материалы Пятой ежегодной Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». 20-22 июня 2008. Нижний Новгород.: «Глагол», 2009. С. 206—208.

¹⁰ Кожинов В.В. Загадка 1937 года // Кожинов В.В. Россия. Век XX. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. С. 462—502.

¹¹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939—1945. Сост. А.Я. Лившин, И.Б., Орлов. М.: РОССПЭН, 2003. С. 415.

¹² Пришвин М.М. Дневники. 1923—1925. М.: Русская книга, 1999. С. 113—114.

¹³ Пришвин М.М. Дневники. 1926—1927. М.: Русская книга, 2003. С. 52.

¹⁴ Пришвин М.М. Дневники 1930—1931. СПб.: Росток, 2006. С. 347.

лишились в силу принадлежности к коммунистической партии возможности покаяния. Ведь, что такое «коммунист, как неразложимый атом»? Он знает, что с него уже не слетит никакая окалина, никакой лишний нейтрон, мешающий его жизни. То есть Пришвин здесь выказывает неверие в глубинное соединение коммунистичности и веры (благодати). И еще: в ситуации, когда, сцепленные законом в коммуну, люди идут внутрь жизни (где была церковь), они встречают там неверующего коммуниста, находящегося на святом месте. В записи от 12 апреля 1936 г. (Пришвин — на Северном Кавказе, в творческой командировке): «По пути в машине начальник НКВД Антонов рассказал (!), что ночью в приемник он слушал пасхальную заутреню, причем дьякон так ревел, что пришлось закрыть приемник: соседи могли подумать, что это он сам упражняется. Так мы узнали, что у нас Пасха»¹⁵. Ситуация напоминает вышеописанную, когда сельчане на собрании говорят друг другу о «псах лающих», но знают, что каждый принимает священника с клиром на Пасху, с верой и радушием. Интересно и другое: Антонов не боится рассказывать Пришвину, что он слушает пасхальную передачу, причем не объясняя зачем он это делает. Здесь на Кавказе писатель встречается и с местными коммунистами-горцами, мусульманами по вере. «Коммунист самый ярый, а свинину есть не может: “нутро не принимает”. “Развожу свиней (разнарядка государства. — О.К.), а нутро не принимает”»¹⁶. Пришвин продолжает эту тему и дальше, и показывает, что и в других обычаях этот коммунист продолжает оставаться мусульманином. 19 июня 1937 г. Михаил Михайлович переходит к выводам: «Коммунист последней формации — это политически воспитанный, тактичный человек, более или менее хорошо скрывающий свое превосходство над всеми людьми не своего толка. На гениальных артистов разного рода, живущих в ином, более независимом, как им кажется, строе, они смотрят как на полезных сумасшедших. Да, так, вероятно, и разделяют всех сумасшедших: тех, кого можно соблазнить посредством необычных для всех граждан удобств жизни и тем приспособить к общему делу строительства новой жизни, и тех, кого укротить можно лишь с помощью средств, подобных смирительной рубашке. Вот почему выдающимся людям всевластные коммунисты очень охотно дают все, о чем их попросят»¹⁷. В эту категорию «сумасшедших»,

конечно, же попали и церковные люди, и им было уготовано место «полезных сумасшедших», к которым коммунисты стали относиться спокойно, выдержано, со знанием дела, точно угадывая кому нужна смирительная рубашка, а кому автомобиль с шофером. В данном случае, Пришвин характеризует коммуниста, как человека, приобретшего опыт, позволяющий ему безбоязненно входить в церковное пространство, быть даже сердечным и мягким там, может быть даже показывать знаки своей веры, но при этом все равно — выполняющим свою работу, а не просто так зашедшими в храм или к священнику. Пришвин не верит в покаяние коммуниста, в искренность его веры.

Переходим к послевоенному времени, когда, как говорит Евангелие «откроются помышления многих сердец» (Лк. 2, 35). Главным на наш взгляд, на войне и было — «открытие помышлений многих сердец». Когда внешние обстоятельства уже перестают быть определяющими и человек начинает себя вести и жить в соответствии или с верой, или безверием. Сколько советских полководцев этого времени определись в своем выборе в пользу веры! К вере устремились тогда и часть офицеров, и часть солдат. Скорее всего это было в какой-то степени массовое явление, зафиксировать которое статистически, конечно, же невозможно, но почувствовать его присутствие и границы очертания, вполне возможно. Запись от 3 сентября 1948 г. Существует два рода коммунистического воспитания «один род, назовем Калининский, где целью воспитания является культура человека, и другой род Ждановский, где на первом месте политика, и коммунисты у нас тоже такие: одни, как Павел Сем., природные русские, другие — доктрины... «Сейчас у коммунистов заметны обе прослойки такого “язычества” и “христианства”. Коммунисты — живые люди и политики-доктрины»¹⁸. Итак, послевоенный коммунист у Пришвина уже не так однозначно «неразложимый атом», он уже разделился на два типа — языческий и христианский. Причем христианство писатель напрямую связывает с этничностью, с «природной русскостью» «живых коммунистов». В другом месте писатель развивает эту мысль: «Есть два рода коммунистов, одни этические, в том смысле, что воспитываются на практике, вырастают, ориентируясь в нравственном росте на коммунистические нормы. Другие же, лично ничего не переживая, непосредственно исходят из этих норм: доктрине-

¹⁵ Пришвин М.М. Дневники. СПб: Росток, 2010. С. 106.

¹⁶ Там же. С. 118.

¹⁷ Там же. С. 640.

¹⁸ Пришвин М.М. Дневники. 1948—1949. М.: Новый хронограф, 2014. С. 231—232.

ры вырастают из бюрократии»¹⁹. А дальше уже в начале 1949 г. (10 января) Пришвин записывает еще одно интереснейшее размышление, касательно «природной» религиозности большевиков: «Да в церкви, конечно, есть истина, но в церкви теперь нет правды. И пусть у большевиков нет истины, но зато правда у них и только у них... а церковь обладая истиной, спит»²⁰. Здесь перебрасывается мостик к истокам «природной» религиозности большевиков и самой коммунистической идеи — к якобы народности большевистской идеи. За счет чего рождается правда, которая отличается от истины? Правда вариативна, земна, истина непоколебима и вечна. Мне думается речь идет о той правде, которая связана у народа с понятием справедливости, хотя и не священным понятием, но для народа имеющим огромное значение. Большевики взявшись строить коммунизм, стали, по этой логике, воплощать в жизнь идею справедливости, двигаясь шаг за шагом целенаправленно к коммунизму — обществу абсолютной справедливости. Вот это и есть пришвинская «естественная религиозная идея», поскольку она приносит земное счастье целому народу на земле. И Пришвин соглашается с этой логикой большевиков, считая, что они действительно выигрывают у Церкви битву за правду, хотя и проигрывают в борьбе за истину.

Как видим, образ коммуниста в глазах писателя постоянно менялся с 1920-х по конец 1940-х годов; но нечто общее все же можно зафиксировать: коммунист оказался не «железобетонной», а гибкой категорией. Особенно это очевидно становится со второй половины 1920-х годов, когда происходит какое-то негласное еще размежевание внутри коммунистического лагеря. Эта тенденция оформляется в военное и послевоенное время, когда условное понятие «верующий коммунист» обязательно стало соотноситься с русской этничностью. Интересен и вывод Пришвина о правде и истине коммуниста в целом, любого коммуниста: его правда касается несделанного Церковью в этот период. По сути, речь идет о народной правде, хотя и облеченней в коммунистическую идею, но имеющую цель достижения справедливого общества. Пришвин считает, что в данном случае народ был более прав, чем Церковь, хотя и он не упрекает Церковь, а лишь констатирует факт. И этот факт, очевидно, является для писателя объяснением причин религиозности коммунистов. Они вышли на церковную дорогу, стали выпол-

нять церковную миссию, ту, которую не могла по объективным условиям выполнять Церковь.

Итак, путь «верующего коммуниста» в 1920-е – 1930-е годы обобщенно можно представить в следующем виде: самая значительная часть их находилась поначалу в деревне; это были люди, не разделяющие еще веры в коммунизм и религиозную народную веру, выражаемую в различных праздниках и обрядах. Где-то в начале 1930-х годов это размежевание начинается, и власть в этом участвовала. Эта категория верующих коммунистов сходит на нет. Но в то же время на волне положительного обращения власти к русскости (в национальном вопросе), среди военных и государственных служителей появляется этот внутренний огонь, никак не связанный с коммунистической верой, но имеющий исток в русской этничности, и, соответственно, — православной вере. Этот огонь не демонстрируется окружающим, но и не подавляется, не вытравляется властью, как он гасился в первой половине 1920-х годов. Далее, можно наблюдать, как осторожно обладатели этого огня им пользуются, как прячут его за коммунистическим огнем. Но у кого-то из его обладателей складывается ситуация критическая, и человек попадает в лагерь, на войну и там уже перестает в какой-то мере осторожничать. Наоборот, приглядывается к этому огню, особо его ценит, надеется на его силу и живет с ним в тяжелых испытаниях. Редчайшие случаи, когда его обладатели становились открытыми верующими или просто людьми церковными, отказываясь, конечно, в этом случае от коммунистической идеи и принадлежности к коммунистической партии. Например, известный ученый и духовный писатель Н. Е. Пестов, прошедший в 1920-е годы строгую школу коммунистического воспитания на посту комиссара (окружной комиссар), не мог даже представить, что неожиданно станет церковным человеком, поскольку: «вопросы, связанные с религиозным мировоззрением, в ту пору у меня не возникали»²¹. Однажды в 1921 г. он (коммунист с 1918 г. и комиссар) увидел «отчетливый сон», в котором он встречается со Христом: «Он высокого роста, в длинной белой одежде.. Лицо Его светилось от какого-то внутреннего света. Оно было так прекрасно, как никогда в жизни я не видел на земле. В основном, оно походило на иконы; строгие еврейские черты, немного с горбинкой ном, длинные волосы и борода. Проходя мимо меня, Он обернулся и посмотрел на меня. Во взре

¹⁹ Там же. С. 319.

²⁰ Там же. С. 367

²¹ От внешнего к внутреннему. Жизнеописание Н.Е. Пестова. Сост. преосвященный Сергий (Соколов), епископ Новосибирский и Бердский. Новосибирск: Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 1997. С. 56.

были необычайная серьезность, глубина, проникновенность и строгость; не только всепокоряющая Сила и Величие, но Огонь могущества, святости и бесконечно снисходящая любовь... Я падаю на колени и поклоняюсь Ему до земли...»²². Николай Евграфович подробно описывает свое смятение после сна, неразрешимое противостояние его, как комиссара и обратившегося к нему Христа. «В ту ночь, — подытоживает автор, — Господь вошел в мое сердце, и с тех пор, чтобы я ни делал, ни чувствовал, я знаю, что Христос всегда был рядом со мной, всегда пребывал со мной и никогда не покидал меня»²³. Здесь Н.Е. Пестов признается, что вера в его сердце начала жить после гражданской войны, за что он благодарен своему дяде, хотя и неправославному христианину, но человека доброго и милосердного: «Он заложил во мне своей благородной душой стремление к добру и служению к близким, но вне христианской веры»²⁴. Расставание с партией было безболезненным: «Новые мои убеждения не позволяли мне оставаться в партии. Я уничтожил привезенный из Свердловска (Екатеринбурга) партийный билет и не прошел очередную регистрацию. В то время этого было достаточно и моя фамилия была вычеркнута из рядов РКП(б)»²⁵.

Эти свидетельства о верующих чекистах не единичны. В Борисоглебском (Воронежской обл.) краеведческом музее есть фотография 1920-х годов — «Похороны председателя ЧК» и комментарий к ней. Прежде чем чекиста похоронить «по-революционному», но настоящию его жены, он был церковно отпет у себя дома священником. О верующем чекисте нам рассказала в Воронежепрестарелая монахиня Макария (Санникова), долгие годы работавшая на секретарских должностях в различных советских учреждениях, а позже в епархиальных. «Везде, как она говорит, — находились свои — верующие люди, с которыми можно поговорить откровенно». Так, работая в Бресте, в политотделе, Таисия Михайловна, когда не было свидетелей,

Похороны после отпевания начальника ЧК
в Борисоглебске Воронежской обл. 1918.
Источник: Борисоглебский краеведческий музей

разговаривала о вере с политруком Чернявским Петром Ивановичем (это послевоенное время. — О.К.), о чудесах, которые тот видел в годы войны. «Начальник политотдела некто Михайлов тоже симпатичный-пресимпатичный, совсем не похож на современного оголтелого, обращался с нами заботливо»²⁶. Эмигрант князь А. Щербатов, в годы войны служил в американской армии. При этом не раз пересекался с советскими офицерами, нередко верующими. Он описывает случай, когда полковник Смерша Филиппов, доктор, в приватном разговоре переживая за свое ведомство, по конкретному поводу, что там расстреливают людей, «заплакал, начал молиться»²⁷.

Судя по всему, отдельные наши советские военноначальники, полководцы, такие как Г.К. Жуков, А.М. Василевский, В.И. Чуйков, А.И. Родимцев и др. стали верующими не на войне, а до нее. М.Г. Жукова, дочь полководца, нашла свидетельства посещения (и неоднократного) Георгием Константиновичем (тогда командиром полка) оптинского старца Нектария, когда последний жил в ссылке в с. Холмищи в доме крестьянина А.Е. Денежкина²⁸. Здесь же, в книге дочери Жукова,

²² Там же. С. 57.

²³ Там же. С. 58.

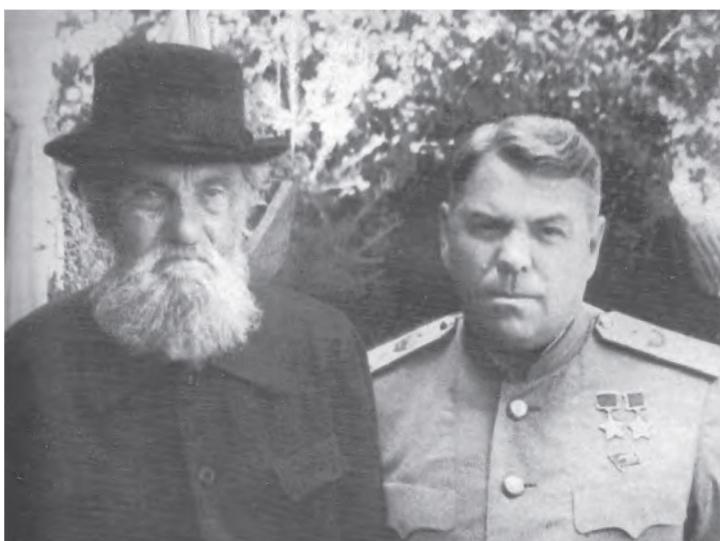
²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 64.

²⁶ Материалы этнографической экспедиции ИЭА РАН. Запись 11 июля 2000 г. Монахиня Макария (Таисия Михайловна Санникова, 1918 г.р.). Архив автора.

²⁷ Щербатов А., князь, Криворучкина-Щербатова А. Право на прошлое. М.: Сретенский монастырь, 2005. С. 299.

²⁸ Жукова М. Г. Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души. М.: Издание Сретенского монастыря, 1999. С. 41.

Маршал А.М. Васильевский с отцом — священником Михаилом Васильевским. Источник: «Вестник военного и морского духовенства». 2005. Спецвыпуск. С. 41.

приводится письмо архимандрита Кирилла (Павлова), адресованное Марии Георгиевне, с другими важными свидетельствами. О посещении Троице-Сергиевой лавры маршалом А.М. Васильевским (отец у которого был сельский протоиерей) и причащении им святых Христовых Таин. Другие свидетельства касаются Жукова: он заказывал в храме Новодевичьего монастыря поминование обо всех усопших воинах; полководец беседовал во время войны с одним генерал-майором о вере и признавал себя верующим. Этот генерал (коммунист) после войны стал священником в г. Ижевске (прот. Анатолием). В цитируемом письме архимандрит Кирилл говорит о нравственных качествах Жукова, о его воспитании: «Прежде всего, он был крещен, учился в приходской школе, где Закон Божий преподавался, посещал службы Храма Христа Спасителя и услаждался великолепным пением церковного хора, получил воспитание в детстве в верующей семье все это не могло не запечатлеть в его душе христианских истин. И это видно по плодам его жизни и поведения. Его порядочность, человечность, общительность, трезвость, чистота жизни возвысили его, и Промысел Божий избрал его быть спасителем России в тяжелую годину испытаний»²⁹. Конечно, полководцы как могли скрывали свою веру, но люди сохранили в памяти

отдельные свидетельства этого. Переводчик генерала А.И. Родимцева Н.Г. Крыжановский стал невольным свидетелем молитвы генерала в Тиране, столице Албании. Там, в православном храме переводчик увидел молящегося на коленях человека; оказалось это его генерал Родимцев. Только через 40 лет после этих событий Николай Григорьевич рассказал публично об этом случае с генералом Родимцевым³⁰. «В боевых порядках 62-й армии Чуйкова на правом берегу Волги находилась икона Пресвятой Богородицы, на командном пункте комдива Ивана Людникова. Потом там был штаб 62-1 армии Чуйкова. Есть мнение, пока документально не подкрепленное, что эта икона принадлежала одному из наших генералов, сражавшихся в Сталинграде, и была реликвией его семьи»³¹.

У маршала В.И. Чуйкова оба родителя были глубоко верующими людьми; их крестьянская семья состояла из 12 детей. Мать полководца отстояла в своем селе храм от закрытия (ходила в Москву к Сталину) и была в этом храме старостой. Сын ее, известный советский полководец, член партии, также веру не терял. Как передает источник «до войны в 30-е годы, у него, кадрового офицера Красной Армии, с матерью был разговор о Боге. Елизавета Федоровна сказала тогда сыну: «У нас с тобой цель одна, сынок, только дороги разные, я тебе не мешаю, а ты меня не суди. Я молюсь за тебя, и Бог нас рассудит»³². Считается, что к активной вере Чуйков вернулся при защите Сталинграда (хотя из партии потом не вышел): «По свидетельству его однополчан именно после тех дней командарм Чуйков стал открыто посещать уцелевшие храмы, попадавшиеся на долгом и трудном боевом пути его 8-й гвардейской армии, встретившей День Победы в Берлине»³³. Уже после кончины полководца рядом с паспортом и военным билетом была обнаружена личная молитва Василия Ивановича Чуйкова, обращенная к Богу: «О Могущий! Ночь в день превратить, а землю в цветник. Мне трудное легким содей и помоги мне»³⁴.

Интересно отметить, что вера в коммунизм приобрела в годы войны для простых солдат новую

²⁹ Там же. С. 35–37.

³⁰ Красник Л., Андреев Ф. Сталинградское знамение // Вестник военного и морского духовенства. Спецвыпуск. М., 2005. С. 61.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 65–66.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

Награждение медалью «Партизану Отечественной войны» священника Федора Пузанова». Источник: «Вестник военного и морского духовенства». 2005. Спецвыпуск. С. 207

силу. У нее появился живой оттенок именно по той причине, что православная религиозность для многих в это время стало живой и действенной. Со слов моих родственников по отцовской линии дед мой Денис Иванович Кириченко, воевавший простым солдатом на Севере, именно в боях принимает решение стать коммунистом. Этот выбор был связан с верой в страну, в ее дело. Перед уходом на фронт, матерью или женой, мне неизвестно, ему была зашита в шинель молитва, и он продолжал с ней воевать, уже став коммунистом. Мой отец рас-

сказал, как закончилась вера в партию деда Дениса. Уже при Хрущеве, видя, что село начинают разрушать, он пришел в свою сельскую парторганизацию и бросив билет на стол, сказал, что в такой партии он не хочет состоять. Его не посадили, но, по-деревенски, силами партячейки побили его за такой демонстративный выход из партии. Умер дед в 1972 г. верующим, и хоронили его два ведомства: церковное (где он был отпет, а был ли причащен перед смертью, не знаю) и гражданское (с музыкой), как ветерана войны. В воспоминаниях Н.Н. Лисового, зампредседателя «Палестинского общества» есть характерный эпизод о вере родителей: «мама была верующей всегда, с детства мы с ней вместе учились читать молитвы: “Отче наш”, “Богородицу”... у нас и иконы были, и мы утром и вечером молились перед иконами. А папа на протяжении большей части своей жизни позиционировал себя как атеист, коммунист и т.д. Но, повторяю, дома всегда были иконы, святые книги... У бабушки на табуретке перед ее кроватью, всегда лежало Евангелие. Всегда! И я его иногда брал и читал. Отец никогда никакого враждебного или дурного слова ни про религию, ни про Церковь, ни про веру, не говорил! А перед смертью (это было уже в 1983 году) он исповедался и причастился (конечно, он был крещеным). Вообще, до ухода в армию (кажется, в 1926 г.) он был обычным верующим человеком»³⁵.

Интересно отметить тот факт, что именно победа в великой войне, с одной стороны отрезвила значительную часть русских в отношении советской идеологии (они стали спокойнее и объективнее, т.е. критичнее к ней относиться к власти, советской идеологии и лично к Сталину)³⁶, с другой стороны, появилась надежда на то, что радикальный атеизм перестанет господствовать в стране. «Авторитет Сталина сделал свое дело, пишет в дневнике Пришвин в 1952 г., — и наши церковницы молятся за него и перешептывают друг другу в церквях, что Stalin был тайно верующим»³⁷.

Впереди колонны коммунистической партии в дни Первомая — икона «Державная» с генералиссимусом И.В. Сталиным. Москва. 2016.

³⁵ Николай Николаевич Лисовой: «Я всегда предпочитал быть подлинным...» // Православное обозрение «Радонеж». 2019 № 4 (310). Л. 11.

³⁶ На эту тему рассуждает в книге воспоминаний князь А. Щербатов, общавшийся с советскими офицерами в 1945 г. в освобожденной от фашизма Европе. — см. Щербатов А., Криворучкина-Щербатова Л. Указ соч. С. 305.

³⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1952—1954. СПб.: Росток, 2017. С. 318.

В 1945 г. Ульяновский епископ Дмитрий пишет стихотворение «Великому русскому воеводе И.В. Сталину»

Ты не рожден в семье царей,
И ты не княжеского рода,
Но Бог тебя благослови
Служить великому народу.
Красуйся, милая страна
Цвети, желанная свобода!
Тебе — и слава и хвала,
Любимый Русский Воевода!»³⁸

В эти же годы многие из числа творческой интеллигенции разделяли эти чувства и взгляды.

Подытоживая исследование религиозной веры коммунистов, прошедших войну, людей разного положения, от солдат до маршалов, следовало бы подчеркнуть самое главное — вера в коммунизм, партийность после войны стали в массовом порядке пересекаться с религиозной верой, а начался этот процесс с середины 1920-х годов, постепенно набирая силу. Вера в Бога пришла к этим людям не в церковной форме, а через сознание своей русскости, через возможность быть человеком своей национальности (этничности) и не бояться этого. Это сознание стало актуализироваться, когда сменился курс партии и государства при ее руководстве И.В. Сталиным, и война сделала эту потенциальную возможность быть верующими, подлинной реальностью (причем, от солдата до маршала, в силу происхождения большинства маршалов из простого народа).

Коммунисты-верующие в сельской глубинке

Пожалуй, самая многочисленная часть верующих коммунистов, судя по всему, находилась совсем близко к народу; это были сельские коммунисты, представители сельского аппарата управления, сами выходцы и народной среды. В 1930-е годы их было немало. До войны в деревне еще не было систематических обходов домов (как в хрущевское время), советскими и партийными спецкомиссиями с целью обнаружения икон. Жительница деревни Болото Курской обл. Горшеченского района, Шенцова, рассказала нам, что обходы домов поручали коммунистам, но своим, колхозным, которые посещали в основном дома тех, кто трудился в сельсовете, в клубе, был учителем. Пришли и к ней, как к учительнице: «Ну, Мария Васильевна,

Семейное застолье в одном из крестьянских домов деревни Подушкино. 1930-е годы. Источник: humus. Livejournal.com

я проверю есть ли у вас иконы». «А у нас тогда не было дома икон (хотя в родительском доме их было много). — О.К.) У меня сохранилась одна икона — мамино благословение. Церковь не работала, ходить в церковь, особенно учительнице было нельзя». При этом у Марии Васильевны Шенцовой муж был тоже коммунист, но верующий. «Муж у меня член партии, но религиозный. “Ты,— говорит, — мне прочитай наизусть “Живые помощи” или “Верую”, не знаешь, а я знаю». «У него была верующая мать, она научила его молиться, и он на фронте молился. А воевал он с первого дня войны». Мария Васильевна рассказала о своей знакомой учительнице, у которой муж был коммунист, председатель сельпо, «веры не отвергал». В 1947 году супруги решили покрестить своего ребенка. «Нарядили дитя, взяли кумов и пошли на квартиру к батюшке среди бела дня. Покрестили. Прошла неделя после крещения или больше. В органы пришло заявление, где описывалось, что учительница и муж коммунист покрестили ребенка. Ее уволили тогда со школы, она переживала, писала жалобы и ничего ее восстановили в школе»³⁹.

В сельской среде было немало таких коммунистов, которые сформировались в той генерации, что вышла из феномена легализации русскости, еще в 1920-е и 1930-е годы. Это были люди крещеные, выросшие в традициях сельского мира, хотя уже и советского сельского мира (с деформированной традиционностью), но все же чтувших заветы старины. Председатели колхозов, сельсоветов,

³⁸ Экспедиция ИЭА РАН 2000 г. Архив О.В. Кириченко.

сельская элита, как правило, не могли быть людьми церковными, (иначе бы они просто лишились своего места), но они старались действовать в нормах обычного сельского права, там, где речь шла о деликатных вопросах веры. Например, Герой Советского Союза А.Е. Клещев, коммунист, директор одной из лучших в СССР МТС старался учитывать сельские религиозные традиции: «когда трудовая страда выпадала на церковные праздники, он старался планировать работу МТС так, чтобы самый разгар работ на этидостопамятные для верующих дни не приходился: то есть либо до праздника заканчивали, либо после них начинали. Уважал чувства верующих, не мог их оскорбить. Хотя сам верующим не был»⁴⁰. Однажды в экспедиции в Тверскую обл., в тверской глубинке (Малое Гольтино) нам повстречались две последние жительницы этого селения. Мы заходили в деревню, а онишли крестным ходом вокруг оставшихся домов с пасхальным троепарем (была Пятидесятница); и после короткого знакомства с нами, рассказали всю свою жизнь, как самым близким людям. Одна из этих вдов, была замужем за мужем-коммунистом: «С мужем жала 27 лет не записавши, потом взяли лошадь, поехали да записались в сельсовете, а венчаться уж и речи не было. Муж был партийный, хотя веровать не запрещал, любил слушать когда мы Христа поем, и не мешал в церковь ходить»⁴¹.

Встреча Ю.А. Гагарина с патриархом Алексием I в Кремле, на приеме. Источник: <https://i.mycdn.me>

Жительница Старого Оскола, (фамилию свою она не стала нам называть), родом была из деревни Сомовка Нижнедевицкого р-на, вспомнила, что сразу после войны, к ним в деревню стали приезжать священники, проводить богослужения в домах прихожан. «Председатели сельсовета у нас разрешали, потому что такие же были как мы, верующие»⁴².

Конечно, для существования подобных коммунистов (терпимых к вере, даже сочувствующих и разделяющих традиции земляков) большое значение имел высокий уровень религиозности в данной местности, причины которого были разные; от наличия подвижников веры и благочестия в данном селе или округи, до наличия поблизости почитаемых духовных центров, монастырей, прежде всего. Немалое значение для существования развитой церковной культуры имел приходской священник, наличие и поддержка определенных традиций, важных для населения того или иного села. Например, в с. Терновое Воронежской обл. почтилась могилка, где был захоронен праведный старец Спиридон, умерший в конце 1920-х годов. Храм в селе не закрывался в 1920-е и 1930-е годы, ходили туда все, кроме коммунистов: «не ходили в храм партийные, — отмечает местный житель И.М. Субботин, — а также те, кто работали по учреждениям»⁴³. Но при этом, как заметил тот же человек, коммунисты тайно крестили своих детей и внуков, участвовали в обряде венчания. Чаще всего они уезжали в другие места, где их не знали. То же было и со святынями, прежде всего иконами: «Верующие иконы дома не прятали. Партийные те прятали, где-то тайно держали. А был председатель-коммунист Акимка, тот открыто держал дома иконы. Ему говорят: "Мы тебя выгоним". А он в ответ: "Выгоняйте, я не имею права снимать, у меня жена вешала, и она меня убьет, если сниму"... У учителя в кухоньке заградили чем-то их. Свои же сельчане стыдили учителя, за то, что они иконы заградили, а они отвечают, что боятся начальства, за это могут выгнать с работы... Был еще председатель Романчин, тот не принимал иконы. Умер пьяным, на крыльце клуба. Когда он был председателем, он закрыл первый дом молитвенный»⁴⁴. Сельских

⁴⁰ Аникеев Л. Штрихи к портрету. К 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза Алексея Клещева // Вестник военного и морского духовенства. Спецвыпуск. М., 2005. С. 237.

⁴¹ Экспедиция ИЭА РАН 2000 г. совместно с Санкт-Петербургской Школой императрицы Александры Федоровны.

⁴² Экспедиция ИЭА РАН 2003 г. Старый Оскол. Архив О.В. Кириченко.

⁴³ Экспедиция ИЭА РАН 2000 г. Архив О.В. Кириченко.

⁴⁴ Там же.

рассказов о наказанных за святотатство председателей колхозов, учителях, бухгалтерах, тоже немало. Во всех подчеркивается неизбежность Божьего наказания. Оно обрушивается на человека не наподобие грозного «удара молнии», а происходит постепенно, когда человек, живя без помощи Божьей, нравственно опускается и жизнь заканчивает в плохом состоянии⁴⁵. Интересная история с коммунистом, пытавшимся обмануть свою верующую мать была рассказана М.Т. Дьячковой в с. Верхняя Тишанка. Мать попросила своего сына-коммуниста пригласить священника, чтобы причаститься перед смертью. Сын побоялся за себя, но не хотел обидеть и мать, поэтому принял решение организовать спектакль с причастием; и мать будет спокойна, и никто не узнает о приходе к нему дом священника. Нарядили одного человека батюшкой, тот принял исповедь старушки. Но как только началось причащение, случилось чудо, в комнате зазвучали голоса небесного хора «Тело Христово приемите, источника бессмертного вкусите». И старушка причастилась реально Телом и Кровью Христовыми, по своей вере. Эту историю поведал Марии Тимофеевне Дьячковой сын той умершей женщины. «Он плакал, когда рассказывал. «И все присутствующие, — говорит, — слышали ангельское пение»⁴⁶. Здесь очевидно речь идет уже о хрущевских временах, когда не только начались новые масштабные гонения на Церковь, но и коммунисты стали в массовом порядке проверяться властью на веру, не связаны ли они (каждый) с церковностью.

В современной литературе на тему хрущевских гонений можно прочитать, порой, удивительные вещи о том, что гонения начались чуть ли не случайно, просто «в руководстве КПСС число сторонников жесткой антицерковной линии» оказалось преобладающим⁴⁷. Хотя по большому счету дело не в этом. Совершенно очевиден тот факт, что новая национальная политика, позволившая Сталину выиграть борьбу у своих вождей-однопартийцев, оказалась мечом обоюдоострым для власти. Эта политика позволила совершил экономический рывок, благодаря индустриализации и коллективизации; она позволила выиграть великую войну и победить фашизм в Европе; но она же в корне противоречила всему тому с чем вышли большевики на политическую арену в 1917 г., создав после успеха революции государство СССР. Эта новая национальная политика была не «ле-

тинской», и не «сталинской», а имперской, такой почти, какой она была в дореволюционной России, где русские являлись локомотивом движения вперед и главным гарантом политической устойчивости страны. Эта политика в конце концов, когда наступил неизбежный момент «победы или смерти», к 1943 г., заставила Сталина поставить последние точки над «и» — дать некоторую свободу Церкви и православию. Двух лет войны хотя бы малой свободы для Церкви хватило для того, чтобы «русское», этническое, получило единение с религиозным, православным. Это происходило, в том числе и в среде коммунистов. Именно это обстоятельство, как ничто другое напугало ту жестко атеистическую и отчасти антирусскую часть руководства партии (разве Н.С. Хрущев не из их числа?!), для которой это было посягательством на самое святое, на последний рубеж их власти. Вот, что лежало, на наш взгляд, в основе хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь.

В 1957—1959 годах началась всероссийская компания по выявлению причастности коммунистов к совершению церковных обрядов, хранению в доме икон, связи коммунистов со священниками. Об этом сохранились воспоминания современников тех лет⁴⁸. Эта масштабная компания взорвала русский мир, только начавший осваиваться с новым положением, как одним важных из завоеваний прошедшей войны. Во всяком случае так думали не простые верующие, которые сохраняли церковность в любое время, а именно коммунисты (от низов до самых верхов). Конечно, это был еще «робкий опыт» религиозности коммунистов, во многом тайная жизнь, дело глубоко личное, касающееся совести, то, что тщательно скрывалось, но свои об этом знали. Робость веры не позволила тогда верующим коммунистам начать отстаивать это военное завоевание, когда радикально-атеистическая партийная верхушка пошла в наступление на церковность, через нее стараясь достать и до русскости, чтобы вернуться к благостным для себя временем т.н. «ленинской законности». Вот почему разгром Церкви проходил быстро и жестко, как «общепартийное дело», куда, разумеется втягивали и верующих коммунистов. Кого-то выгоняли из партии (кто не был готов предать веру), кого-то оставляли (таких было, думается, большинство), чтобы они тем энергичнее выполняли порученное дело искоренения церковности. В это

⁴⁵ Экспедиция ИЭА РАН 2002 г. Село Верхняя Тишанка. Воронежская обл. Архив О.В. Кириченко.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории, 2000. С. 359.

⁴⁸ Об обстоятельствах этой компании нам рассказал Павел Иванович Козлов (1930 г.р.) из с. Покровское Фировского р-на Тверской обл.

страшное время особенно тяжело, на наш взгляд, пришлось учителям. Учительская должность была в глазах власти, партийной, по определению «учитель». Вот почему с учителей спрашивали особенно строго. Как писал современник тех событий, его знакомую учительницу на найденные в доме иконы уволили с работы, и та ушла работать в церковь. Партийные верующие или их семьи стали в массовом порядке прятать иконы на чердаки⁴⁹. Такая радикальная политика заставила какую-то часть учителей вести себя по-революционному, бороться с религией. Находясь в Воронежской экспедиции в с. Ячейка Эртильского района мы услышали следующий рассказ о подобном учителе тех лет. Местная деревянная церковь во имя Архангела Михаила, открытая в 1945 г., в начале 1960-х опять закрылась, иконы стали сниматься и передаваться местному учителю на дрова (кто еще готов был в деревне топить иконами печь?!). Тот сам рубил иконы топором и бросал на розжиг в печь, пора не пришла очередь чудотворного образа «Иверской Божьей Матери», написанной на Афоне, судя по всему, по заказу благочестивых прихожан, еще в XIX в. Как только учитель начал рубить эту икону, топор перестал ему подчиняться, он лишь царапал икону, но не входил в нее глубоко, словно какая-то сила ему мешала. Не зная, исповедание русскости как объяснить это проявление мистической силы, учитель посоветовался с женой и тайно передала икону верующим в селе. Поэтому, чудотворный образ Иверской сохранился здесь до сих пор⁵⁰.

В 1960-е годы в результате предпринятого властью и партией масштабного гонения на Русскую Православную Церковь, произошел раскол в русском народе, в его образованной части. Одна (небольшая) часть ушла в Церковь, связав свою жизнь с церковным служением, в монастырях и храмах, но численно большая часть отошла от Церкви, для того, чтобы (как они думали) сохранить русскость. В русской интеллигентской среде начинается разного рода оппозиционное советской атеистической власти движение, от неоязыческого (любителей «Велесовой книги») до партийного. Многие писатели-деревенщики тяготели именно к первому. Но была и серьезная попытка оформить русскость как политическое движение, связанное с социалистическими идеями. Ярким примером здесь может служить деятельность тай-

ной партии, под названием «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа», основанная Игорем Вячеславовичем Огурцовым. Воспоминания о ее участниках, тех событиях, о программе партии сохранил писатель Леонид Иванович Бородин, член этой партии⁵¹. Социал-христианство, декларируемое сторонниками этого движения, подразумевало христианизацию политики, социальных отношений и культуры, внедрение в жизнь реальных, а не умозрительных, декларируемых коммунистической идеологией и практикой принципов равенства людей и народов. В программе большое внимание уделялось всесторонней критике коммунистической идеологии, как деструктивной, закабаляющей народ, разрушающей его свободу и самобытность. Но тем, не менее, как нам кажется, в контексте происходящих в те годы перемен, вследствие агрессивного наступления на Церковь господствующей коммунистической партии, пользуясь всеми возможностями подавления инакомыслия, которые ей предоставляло советское государство, данная программа И.В. Огурцова, отличалась также своим благожелательным утопизмом. Это был интеллигентский проект, который никогда бы не был принят простым народом (если бы этой партии дали возможность вести открытую агитацию), поскольку все здесь строилось на аргументации, которую мог бы понять только интеллектуал, привыкший работать с текстами; эту программу нельзя было свести к некоей простой формуле, понятной простому человеку, простому народу.

Разгром Церкви в хрущевские годы имел целью не только физически уничтожить Церковь, как аппарат, как социум (о мистической стороне Церкви никто из ее врагов и не помышлял), но и оставить на этом месте вместе с пепелищем и отдельными храмами-раритетами некие зримые свидетельства гуманизма и человеколюбия советской власти. А именно, — народ, свободный от религии, русских свободных, от «вредных» эпизодов их истории; рабочих и крестьян, с интеллигенцией, забывших о мрачном прошлом сословной России. То есть здесь тоже была своя программа стерилизации русскости и подведения ее под партийный, коммунистический стандарт. Показать «последнего попа по телевизору», означало очень многое, а именно — показать уже зарю коммунизма, с ее атеистическим торжеством *веры в небы-*

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Экспедиция ИЭА РАН, 1997 г. Архив О.В. Кириченко. В 1990-е годы чудотворный образ Иверской был перенесен во вновь построенный храм Иверской Божьей Матери в г. Эртиле протоиереем Василием Гришановым и находится теперь там. Но раз совершается крестный ход в с. Ячейку.

⁵¹ Бородин Л.И. Без выбора. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 69—100, 444—487.

тие; что должно было быть скрашено отсутствием конкурентов, смеющих верить в какую-то вечную жизнь. Если «последний поп», то такая может вечная жизнь, «она только у нас, у коммунистов». Именно этим объясняется та страшная беспринципность с какой действовала тогда власть, стараясь уложиться в кратчайшие сроки решить проблему уничтожения Церкви.

В итоге, к моменту распада СССР, организованному либеральной частью партийной номенклатуры, вопрос о верующих коммунистах перестал иметь серьезное конструктивное значение; вопрос о русскости в коммунистической партии, как и вопрос о вере превратился в предмет для внутриаппаратной борьбы, потом даже появилось название «русская партия внутри КПСС», поскольку речь шла о группе приверженцев русской линии в высшей партийной номенклатуре, в период второй половины правления Л.И. Брежнева⁵². Но, как и в случае с движением И.В. Огурцова и многих других «прорусских» сил в те годы, это все не имело подлинной силы и связи с русским народом и народными интересами. Вот почему к моменту передачи власти «из рук в руки», от коммунистов к демократам, русский вопрос, хотя и являющийся главным в таком случае, никак не рассматривался, никак не учитывался (об этом говорит трагическая судьба огромного числа русских оставшихся после распада за границами и права и защиты их интересов).

В постсоветской России сохранилась память о верующих коммунистах, о совмещении несовместимого, но именно как память, как часть советской традиции. Не более. Потому что верующий коммунист — это русский коммунист, ориентирующийся на русский электорат. Поэтому сегодня это маркер, необходимый в предвыборной и проч. борьбе партийного характера. У Г.Н. Зюганова могут быть на кухне иконы, подарки знакомых священников и архиереев, он может заходить в храм и ставить свечи, крестить детей (хотя это сомнительно), но он не допустит, как он сам высказывался, чтобы в программе коммунистической партии говорилось что о союзе с Церковью. Атеизм продолжает быть официальной идеологией партии, а значит, приди к власти, эта партия продолжит свою политику атеистического воспитания. Значительной политической силой сегодня на глазах становится евразийство в его новой упаковке, представляющей «Изборским клубом»

и его главой писателем А.А. Прохановым. Здесь разыгрывается карта политической мистерии, совмещения опыта империй, и особенно прививка «красной империи» к древу русской имперской. Коммунистичность, советскость насыщаются русскими энергиями прошлых веков (где вера и церковь были основным компонентом) и насыщенные ими, они должны принести плод, какого еще мир не знал. Такова логика этого движения, и здесь, заметим, тоже речь идет о совмещении несовместимого. Спекуляции на этой теме продолжают будоражить сознание людей, постмодернистская мифология позволяет рисовать самые причудливые картины и варианты будущих событий. В качестве одного из примеров этой деятельности приведем содержание передовицы газеты «Завтра», написанную А.А. Прохановым. Статья броско называется «Победа без Сталина, Православие без Христа»⁵³. Автор возмущается, что РПЦ осудила действия иеромонаха Брянского мужского монастыря Виссариона, за освящение иконы «Державная», привезенную в монастырь Изборским клубом. На иконе изображено советское воинство, во главе со Сталиным, стоящее (в фас) на Красной площади. Наверху иконы, на небесах «державная Божия Матерь с предстоящими ангелами. Нельзя назвать этот образ неканоническим по композиции, речь, безусловно, идет не о нарушении технических норм иконописного канона. Святотатством видится другое: помещение Сталина в качестве главного молитвенника за победу. Опираясь на эту мифическую идею — Сталина-молитвенника — нынешние православные сталинисты, евразийцы, члены «Изборского клуба» хотят видеть вождя прославленным Русской Православной Церковью в лице святых. Иначе будет «православие без Христа», как об этом заявляет А.А. Проханов.

От сталинских щедрот достается в этом случае и лидеру нынешних коммунистов Г.А. Зюганову. Вот цитата из панегирика ему в день 75-летия, написанные главным редактором газеты «Завтра»: «Компартия — это убежище для русских, которые сегодня несут огромное бремя, подвергаются чудовищному давлению. Благодаря твоим усилиям и твоему разумению партия присутствует на Всемирном русском соборе, где величавые владыки соседствуют с коммунистами. Ты — герой длинной воли, никогда не падал духом, служил и служишь примером стоицизма, честности, благородства»⁵⁴. Сам Геннадий Андреевич, в своих программных

⁵² Митрохин Н.А. Русская партия: движение русских националистов в ССР. 1953—1985 гг. М., 2008; Байгулов А.И. Русская партия внутри КПСС. М., 2005.

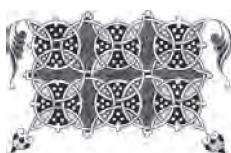
⁵³ Проханов А. А. Победа без Сталина, православие без Христа? // Завтра. 2015. № 25(1126).

⁵⁴ Он же. Зюганов — герой длинной воли // Завтра. 2019. № 25 (1322).

речах последних лет яростно клеймит антисоветчиков и русофобов, оправдывает сталинские репрессии: «суворость политики 1930-х—1940-х годов была продиктована необходимостью укрепить мощь страны и повысить ее обороноспособность». И при этом ничего не говорит о Церкви, о ее тяготах выживания в эти годы, не говорит о значении ее в прошлом, в настоящем, нет ей места и в будущем, если (надо догадываться) священники не станут коммунистами (но не наоборот!)⁵⁵.

Это главное для нынешних коммунистов-фантастов, подобных А.А. Проханову и коммунистов-прагматиков, подобных Г.А. Зюганову: они верят, что искренний коммунист может быть искренне религиозно верующим человеком и то, что было в советское время является нормой. Сектантский подход к религии особенно ярко выражен у Проханова, увлеченного русским космизмом и в том числе идеями Н. Федорова о воскрешении мертвых интеллектуальными силами простых людей. В этом смысле и написанная икона, очевидно, будет служить неким подспорьем для этого процесса. Вот одна из последних прохановских публикаций на тему воскрешения Сталина. Писатель хвалит «мистический» спектакль С. Кургиняна: «В этой лаборатории творилось воскрешение из мертвых... (орудиями воскрешения были помело ведьмы, крест-кинжал и рог. — О.К.) С помощью этих кодов можно воскрешать Сталина, воскрешать Советский Союз, воскрешать энергию Победы 1945 года»⁵⁶. Мы же заметим в свою очередь, что лабораторные опыты с подлинной религиозностью и должны были закончиться оккультизмом, мистическими опытами, попытками богоchorского «воскрешения» без Бога.

Подведем итоги темы верующих коммунистов, проявившейся в советское время, как следствие покушения на народную традицию, в том числе религиозную. Имплантация религиозности в коммунистическую душу (личность) происходила, как было показано, естественным образом, после того как с середины 1920-х годов, постепенно, начинает набирать обороты новый, осторожный, но очевидный правительственный курс на прекращение дискриминации русских. Вместе с реабилитацией русскости естественно утверждалось в тайниках сознания людей и второе ее начало — православность, что особенно проявилось в годы Великой Отечественной войны. Безусловно, если бы после войны, партия и государство не вмешались бы столь радикально в этот процесс, могло бы случиться так, что партия бы переродилась изнутри, и через несколько десятилетий от нее бы и следа не осталось. Но естественное движение было приостановлено и русскости была дана иная, неестественная линия движения, вместо религиозной ее стали превращать в какую угодно — культурную, политическую, социальную, полигэтническую, но только не православную. И сейчас «верующий коммунист», как, впрочем, и «верующий демократ» — не более чем маркер в политической жизни. Эта же проблема породила и другую, параллельную ей и существующую в современной церковной жизни: «коммунистический священник», и даже епископ, как демократический священник плюс таковой же епископ, что сегодня не редкость. И все это следствие дезориентированной русскости, лишенной центрирующего ее церковно-религиозного ядра.

⁵⁵ Зюганов Г.А. К гражданам России! // Завтра. 2016. № 21 (1173). Л. 3.

⁵⁶ Проханов А.А. Сталин. Колдовство воскрешения // Завтра. 2019. № 44 (1351).